

РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

ШТОРМОВОЙ ДЕНЬ

От автора романа «Собиратели ракушек»,
включенного в топ-50 лучших книг
по версии BBC

АЗБУКА

The Big Book

Розамунда Пилчер

Штормовой день

«Азбука-Аттикус»

1975

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пилчер Р.

Штормовой день / Р. Пилчер — «Азбука-Аттикус», 1975 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-21969-4

Книги Розамунды Пилчер (1924–2019) знают и любят во всем мире. Ее романы незамысловаты и неторопливы, зато в них много подлинного тепла и сердечности. Кредо писательницы можно охарактеризовать фразой: «У хороших людей всегда все будет хорошо» – и в данном случае это залог устойчивого читательского успеха. Решительная и независимая Ребекка узнает о том, что она внучка знаменитого художника, и отправляется к нему в Корнуолл – суровый, ветреный и неизменно прекрасный. Там ей придется разгадать несколько семейных тайн и, возможно, обрести настоящее счастье...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21969-4

© Пилчер Р., 1975
© Азбука-Аттикус, 1975

Содержание

1	6
2	15
3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Розамунда Пилчер

Штормовой день

Rosamunde Pilcher
THE DAY OF THE STORM

Copyright © 1975 by Rosamunde Pilcher

© Е. В. Осенева, перевод, 2003

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

1

Все это началось в понедельник в конце января. Унылый день и унылое время года. Рождество и новогодние праздники остались позади, и как будто не было их, а весной еще и не пахло. Лондон был сырым и холодным, магазины манили пустыми надеждами и «Товарами в дорогу». Деревья в парке стояли голые, и сквозь их кроны, как кружево, просвечивало низкое небо; прибитый газон выглядел унылым и мертвым, и невозможно было поверить, что когда-нибудь он вновь расцветится коврами лиловых и желтых крокусов.

Словом, день как день. Будильник прозвенел в темноте, начавшей бледнеть в широких квадратах незашторенных окон, в которых уже обозначилась верхушка платана, высвеченная оранжевыми отблесками далеких уличных огней.

В моей комнате не было другой мебели, кроме кушетки, на которой я лежала, и кухонного стола, который я все собиралась, когда будет время, отшкурить и отполировать воском. Даже пол в комнате был ничем не прикрыт: голые доски упирались в светлые панели деревянной стенной обшивки. Ящик из-под апельсинов служил ночным столиком, а второй такой же ящик исполнял роль стула.

Вытащив руку из-под одеяла, я включила свет и с полнейшим удовольствием обозрела безотрадную картину. Вот он, мой первый дом. Я переехала сюда всего три недели назад, и принадлежало все это мне одной. В комнате я могла делать, что мне заблагорассудится: хочешь – развесь на белых стенах постеры, хочешь – выкраси стены в оранжевый цвет. Можешь отциклевать пол, а можешь разукрасить его полосками. У меня уже начал проявляться зуд приобретения – не могла пройти мимо лавок подержанных вещей и антикварных магазинов, все выглядывая в витринах какое-нибудь сокровище, что было бы мне по карману. Именно таким образом я стала обладательницей стола и теперь замахивалась на старинное зеркало в золоченой раме, но никак не могла решиться войти в магазин и узнать цену. Может быть, я повешу его над камином или напротив окна, чтобы в нем отражались небо и верхушка платана, и тогда получится картина в богатой раме.

Эти приятные мечты отняли у меня некоторое время. Я опять взглянула на циферблат будильника, поняла, что поздно, и, выкарабкавшись из постели, босиком прошлепала по голому полу к крохотной кухоньке, где зажгла газ и поставила на плиту чайник. Так начался этот день.

Квартира моя располагалась в Фулеме на верхнем этаже маленького однотипного особнячка в ряду других таких же особнячков и принадлежала Джону и Мэгги Трент. С ними я познакомилась на Рождество, которое встречала со Стивеном Форбсом, его женой Мэри и целым выводком неопрятных детишек в их большом неопрятном доме в Патни. Стивен Форбс был моим хозяином, владельцем книжного магазина на Уолтон-стрит, в котором я уже год как работала. Он проявлял ко мне неизменное внимание, был крайне добр и предупредителен, и когда узнал от одной из девушек-продавиц, что на Рождество я остаюсь одна, от них с Мэри тут же последовало настойчивое приглашение, больше даже похожее на приказ, погостить у них три праздничных дня. «Места у нас полно, – путано уговаривал он, – и на чердаке комната есть, и в комнате у Саманты лишняя кровать, да где угодно, вы же не будете привередничать, правда ведь? А кроме того, поможете Мэри управиться с индейкой и подмести клочки оберточной бумаги, раскиданные по всему дому».

Посмотрев на ситуацию под таким углом зрения, я в конце концов согласилась и прекрасно провела время. Что может быть лучше семейного Рождества, когда кругом дети, и шум, и оберточная бумага, и подарки, и хвойный запах рождественской елки, сверкающей игрушками и кривоватыми самодельными украшениями!

На второй день Рождества, когда детей наконец уложили спать, Форбсы устроили вечеринку для взрослых, при этом детские забавы так и продолжались, и тут-то подросли Мэгги и Джон. Тренты были молодоженами. Она – дочь оксфордского профессора, хорошего знакомого Стивена еще со студенческих лет, хохотушка, девушка веселая и открытая. Стоило ей появиться – и вечеринка оживилась, гости встряхнулись, и веселье пошло-поехало. Нас представили друг другу, но поговорить удалось, лишь когда начались шарады и мы очутились бок о бок на диване и совместно попытались понять, что означает странная жестикуляция Мэри, старавшейся в пантомиме изобразить нам название фильма. «„Розмари“! – неизвестно почему вопил кто-то из гостей. – „Заводной апельсин“!»

Мэгги закурила сигарету и безнадежно откинулась на спинку дивана.

– Нет, мне это не по силам! – воскликнула она, и темноволосая ее головка повернулась ко мне. – Вы работаете у Стивена в магазине, да?

– Да.

– Я загляну к вам на той неделе: надо потратить книжные талончики, у меня их много накопилось.

– Вам повезло.

– Мы только что вселились в наш первый дом, и надо же что-то кинуть на кофейные столики, так, чтобы друзья думали, что я жуть какая умная!

Тут кто-то выкрикнул:

– Мэгги! Теперь твоя очередь.

– Вот черт! – прошипела она и, вскочив, отправилась узнать, что ей предстоит разыгрывать.

Не помню ее роли, помню только, что, глядя на то, как она весело дурачится, я чувствовала к ней большую симпатию и радостно предвкушала новую встречу с ней.

Встреча не замедлила состояться. Как и обещала, Мэгги заглянула в магазин через день-другой после праздников, одетая в куртку-дубленку и длинную лиловую юбку и с сумочкой, набитой книжными талонами. В тот момент клиента у меня не было, и я выглянула из-за аккуратной стопки книг в глянцевых обложках.

– Привет.

– О, вот и вы, как хорошо. Я надеялась вас увидеть! Вы мне поможете?

– Да, конечно.

Вместе мы отобрали кулинарную книгу, новую автобиографию, о которой было много разговоров, и впечатляюще дорогой альбом импрессионистов для пресловутого кофейного столика.

Покупка немного превысила стоимость всех ее талонов, и она, порывшись в сумочке, извлекла оттуда чековую книжку, с тем чтобы уплатить разницу.

– Джон будет в ярости, – сказала она счастливым голосом, выписывая чек красным фломастером. Чек был ярко-желтый, веселенький. – Он говорит, что мы жутко транжирим деньги. Вот. – На обороте чека она написала адрес: «Бракен-роуд, 14, SW6». Она произнесла это вслух на случай, если я не разобрала почерк. – Никак не привыкну писать этот адрес. Ведь мы только что там поселились. Потрясающе, что мы теперь полные владельцы, хотите верьте, хотите нет. Конечно, с первым взносом нам помогли родители, но Джон ухитрился выклянчить у какой-то там строительной фирмы ссуду на остальное. Правда, чтобы выплачивать ссуду, придется сдать верхний этаж, но, думаю, все как-нибудь устроится. – Она улыбнулась. – Вы должны прийти к нам и посмотреть, как мы живем.

– С удовольствием. – Я упаковывала ее книги, старательно выравнивая бумагу и аккуратно подгибая острые уголки. Она наблюдала за мной.

– Простите, это жутко невежливо, но я не помню вашего полного имени. Знаю только, что Ребекка, а как дальше – не знаю.

– Ребекка Бейлис.

– Вы случайно не слышали о каком-нибудь симпатичном тихом человеке, которому требуется квартира без мебели?

Я взглянула на нее. Наши мысли двигались в одном направлении, так что мне даже почти не пришлось говорить. Завязав узелок на свертке, я перерезала бечевку.

– Ну а я подойду?

– Вы? Вы разве ищете жилье?

– До этого момента не искала, а теперь ищу.

– Но это всего одна комната и кухня. А ванной нам придется пользоваться сообща.

– Не возражаю, если вы не возражаете. А также если осилю плату. Ведь я не знаю, сколько вы просите.

Мэгги назвала цену. Я судорожно глотнула и, сделав в уме несколько математических выкладок, сказала:

– Это я осилю.

– А мебель у вас найдется?

– Нет. Я снимаю меблированную квартиру вместе с еще двумя девушками. Но мебель я раздобуду.

– Вы говорите так, словно вам не терпится съехать оттуда, где вы живете.

– Мне терпится, но хочу пожить сама по себе.

– Что ж, но, прежде чем решать, вам неплохо бы зайти и посмотреть квартиру. Как-нибудь вечером, потому что днем мы с Джоном на работе.

– А сегодня вечером? – Я не смогла скрыть нетерпения и произнести это спокойным голосом, и Мэгги рассмеялась.

– Ладно, – сказала она. – Сегодня вечером. – Она взяла изумительно запакованный сверток с книгами и собралась уходить.

Я вдруг запаниковала:

– Но я... я не знаю адреса.

– Да знаете вы адрес! Вот глупышка! Он же есть на обороте чека. Сядете на двадцать второй автобус. Буду ждать вас около семи.

– Приеду, – пообещала я.

Трясаясь на неспешном автобусе по Кингс-роуд, я сознательно старалась притушить в себе энтузиазм. Ведь еду я покупать кота в мешке. Квартира может мне совершенно не подойти, оказавшись чересчур большой, или чересчур маленькой, или неудобной в тысячах отношений, которые и представить себе невозможно. Лучше немного скепсиса, чем последующее разочарование. И действительно: снаружи домик показался мне крайне невзрачным – краснокирпичный особнячок в ряду таких же краснокирпичных особнячков с затейливым входом и удручающей имитацией витража. Но внутри номер 14 радовал глаз свежей краской и новыми коврами и самой хозяйкой, облаченной в старые джинсы и синий свитер.

– Простите, что я в таком неприглядном виде, но на мне все хозяйство, так что, приходя с работы, я обычно переодеваюсь. Давайте поднимемся, и вы посмотрите что к чему... Повесьте пальто вот сюда, на перила. Джона еще нет, но я сказала ему, что вы придете, и он был в восторге от идеи...

Так болтая без умолку, она провела меня по лестнице наверх в пустую комнату в задней части дома. Она включила свет.

– Выходит на юг в маленький парк. Прежние владельцы пристроили внизу веранду, так что у вас из ее крыши получится балкон.

Она открыла стеклянную дверь, и мы ступили в холодную черную ночь. Я вдохнула лиственный запах парка, запах сырой земли и увидела окаймленную уличными огнями раскинувшуюся внизу пустую черноту. Внезапно подул холодный порывистый ветер, и черная листва платана зашелестела, а потом звук этот утонул в гуле пролетевшего реактивного самолета.

– Прямо как за городом! – сказала я.

– Да, почти, и это тоже преимущество. – Она поежилась. – Пойдемте-ка лучше в дом, пока совсем не заоченели.

Мы опять прошли через стеклянную дверь внутрь, и Мэгги показала мне крохотную кухню, переделанную из чулана, а потом, на полуэтаже, куда мы тут же спустились, ванную, которой нам предстояло пользоваться сообща. Наконец мы опять очутились внизу в теплой и неприбранной гостиной Мэгги, и она извлекла бутылку хереса и картофельные чипсы, по ее уверениям засохшие, но мне они показались в самый раз.

– Все еще собираетесь переселяться?

– Больше прежнего.

– Когда бы вы хотели переехать?

– Как можно скорее. На следующей неделе, если вы не против.

– А что будет с вашими вещами по квартире?

– Найдут себе кого-нибудь еще. У одной из них сестра скоро переезжает в Лондон. Наверное, она займет мою комнату.

– А где мебель возьмете?

– О... ну как-нибудь исхитрюсь.

– Надеюсь, – благодушно сказала Мэгги, – тут добрыми гениями окажутся ваши родители, как это обычно водится. Когда я только-только переехала в Лондон, моя мама чего только не надавала мне с чердака и из комода, так что я... – Голос ее замер. Я глядела на нее в грустном молчании, и кончилось тем, что она посмеялась над собой: – Ну вот, опять я разболталась, раскрыла рот и лезу, куда не следует. Простите меня, я, видимо, сказала какую-то идиотскую бестактность.

– Отца у меня нет, а мать живет за границей. Она сейчас на Ибике. Вот почему я и хочу пожить сама по себе.

– Простите. Могла бы без вашей подсказки сообразить, раз вы проводите Рождество с Форбсами. То есть должна была бы догадаться.

– Стоило ли догадываться.

– А ваш отец умер?

По-видимому, она была любопытна, но любопытство проявляла так откровенно и по-дружески, что мне внезапно показалось смешным запереться и скрытничать, как я обычно делала, когда окружающие начинали приставать ко мне с расспросами о семье.

– Не думаю, – сказала я, постаравшись, чтобы это прозвучало легко и как бы между прочим. – Наверное, живет себе в Лос-Анджелесе. Он был актером. Мать сбежала с ним, когда ей было восемнадцать лет. Но вскоре семейный очаг ему наскучил, а возможно, он решил, что карьера для него важнее семьи. Так или иначе, брак их продлился всего несколько месяцев, после чего он взял да смылся, а мать тем временем родила меня.

– Какой кошмар!

– Да, наверное, вы правы. Я старалась над этим не задумываться. Мать никогда о нем не говорила. И не потому, что это ей было очень уж горько или что-нибудь в этом роде, просто то, что прошло и осталось позади, она обычно забывала. Такое у нее свойство. Смотреть лишь вперед и с оптимизмом.

– А что было потом, после вашего рождения? Она вернулась к родителям?

– Нет, так и не вернулась.

– Вы хотите сказать, что никто не прислал телеграмму со словами: «Вернись, мы все простим»?

– Не знаю. Честное слово, не знаю.

– Вероятно, когда ваша мама сбежала, разразился ужасный скандал, но даже если и так... – Голос ее дрогнул. Видимо, она просто не могла взять в толк ситуацию, которую я хладнокровно воспринимала как данность всю свою жизнь. – Что же это за люди, если они могли так поступить с собственной дочерью?

– Вот уж не знаю.

– Вы, наверное, шутите!

– Нет, серьезно, я не знаю.

– Вы хотите сказать, что не знакомы с собственными дедом и бабушкой?

– Я не знаю даже, кто они такие или кем они были. Не знаю, живы ли они еще.

– Неужели вам ничего-ничего не известно? Разве ваша мама совсем вам ничего не рассказывала?

– О, конечно... какие-то обрывки прошлого то и дело возникали в разговорах, но общая картина не складывалась. Ну, знаете, как обычно матери говорят с детьми – вспоминают случаи из жизни или что-то из собственного детства.

– Но Бейлис... – Она нахмурилась... – Фамилия ведь не совсем обычная. И что-то она мне напоминает, а что – не могу вспомнить. Неужели и у вас нет ни одной зацепки?

Мне была смешна ее настойчивость.

– Вы говорите так, словно я очень хотела узнать. Но, видите ли, я этого вовсе не хотела. Не знаешь деда с бабушкой – и скучать потом не будешь.

– Но неужели вам не было интересно узнать, где они жили?

– Я знаю, где они жили. Они жили в Корнуолле. В каменном доме, там холмы и луга спускаются к морю. А у матери был брат Роджер, но он погиб на войне.

– Но как она жила после вашего рождения? Наверное, ей пришлось устраиваться на работу.

– Нет, у нее были кое-какие деньги. Наследство старой тетушки или что-то в этом роде. Автомобиля мы, конечно, не имели и в роскоши не купались, но концы с концами сводили. Она поселилась в Кенсингтоне, на первом этаже дома, принадлежавшего каким-то ее друзьям. Мы прожили там, пока мне не исполнилось восемь, когда меня отправили в школу-интернат, а потом мы, как бы это сказать, стали колесить...

– Интернаты – штука дорогостоящая.

– Этот интернат был не из лучших.

– Ваша мама вышла замуж вторично?

Я взглянула на Мэгги. Ее лицо было оживлено, и в нем читалось жадное любопытство, но любопытство добродушное. Я решила, что, рассказав ей так много, могу поведать и остальное.

– Она... не из тех, кто создан для брака. Но она была очень, очень привлекательна, и я не помню времени, чтобы вокруг нее не увивался какой-нибудь обожатель. А поскольку я была в интернате, ей не было особой нужды проявлять осмотрительность. Я никогда не знала, где проведу следующие каникулы. Однажды это была Франция, Прованс. Иногда – Англия. А как-то раз на Рождество мы даже махнули в Нью-Йорк.

Услышав это, Мэгги поморщилась:

– Не большая радость для ребенка.

– Зато развивает. Я давно научилась относиться к такой жизни с юмором. И подумать только, где я не побывала, в каких удивительных местах не приходилось мне жить. То это был парижский отель «Риц», а то – какая-то омерзительная, холодная дыра в Денбишире. Там жил поэт, вздумавший разводить овец. Самым счастливым днем моим был день, когда кончился этот роман.

– Она, наверное, очень красива.

– Нет, но мужчины считают ее красивой. И она очень веселая, непредсказуемая, неуловимая и, можно сказать, совершенно аморальная. Вопиюще. Все для нее «забавно». Это ее словечко. Неоплаченные счета – забавны, и потерянные сумочки, и письма, оставшиеся без ответа. Она никогда не считала денег и не имела представления о том, что такое обязательства. Ужасно неудобный человек для общежития.

– Что она делает на Ибице?

– Живет с каким-то шведом, с которым там познакомилась. Поехала со своими знакомыми, семейной парой, встретила этого типа, и очень скоро я получила письмо, в котором сообщалось, что она собирается с ним остаться. Она писала, что он ярко выраженный нордический тип и очень суров, но дом его – просто прелесть.

– А давно вы с ней не виделись?

– Года два. Я освободила ее от себя в семнадцать лет. Окончила секретарские курсы, стала устраиваться на временные работы и наконец поступила к Стивену Форбсу.

– Вам там нравится?

– Да. Нравится.

– А сколько вам лет?

– Двадцать один год.

Мэгги опять улыбнулась и, удивленная, тряхнула своими длинными волосами.

– Сколько же всего вы успели, – сказала она без всякого сочувствия к моей печальной участи и даже с легкой завистью. – В двадцать один год я краснела в подвенечном платье с обтягивающим лифом под старой, пропахшей нафталином вуалью. Я вовсе не такая уж традиционалистка, но у меня есть мама, которая придерживается традиционных взглядов, а я очень ее люблю и привыкла ей угождать.

Я сразу представила себе мать Мэгги и сказала, прибегая к удобному клише, так как не могла придумать ничего лучше:

– Ну да, люди разные бывают.

В эту минуту мы услышали скрежет ключа в замке – это вернулся Джон, и больше мы не возвращались к теме матерей и семейной теме вообще.

День был как все другие, за одним приятным исключением. До этого в четверг я допоздна задержалась на работе со Стивеном – хотела закончить январскую инвентаризацию, – и в качестве вознаграждения он в это утро дал мне отгул, свободные часы до обеда. Я потратила их на уборку квартиры (что заняло никак не больше получаса), сделала ряд покупок и отволокла в прачечную ворох одежды. К половине двенадцатого я закончила все свои домашние дела и могла, надев пальто, не спеша, прогулочным шагом двинуться в направлении работы, намереваясь часть пути проделать пешком и, может быть, где-нибудь перекусить, устроив себе ранний обед до прихода в магазин.

Был один из тех холодных, тусклых, промозглых дней, когда кажется, что темнота никогда не отступит. Поднявшись по унылой и мрачной Нью-Кингс-роуд, я повернула на запад. Здесь каждый второй магазин торгует либо антиквариатом, либо подержанными кроватями и рамами для картин. Все эти магазины я, по-моему, знала наизусть, но внезапно мое внимание привлекла лавка, которую я раньше не замечала. Фасад ее был выкрашен белой краской, витрины окаймлены черным, а от начинавшейся мороси их защищал уже приспущенный красно-белый навес.

Я подняла глаза, чтобы посмотреть, как называется лавка, и прочла имя «ТРИСТРАМ НОЛАН», выведенное над дверью аккуратными черными заглавными буквами. По обеим сторонам двери в витринах были выставлены всякие упоительные разности, и я приросла к тротуару, изучая содержимое витрины, подсвеченное многочисленными лампами, горевшими

внутри лавки. Мебель была по большей части викторианская – заново обитая, отреставрированная и отполированная. Диван в чехле на пуговицах, с широкой каймой и на резных ножках; шкатулка для рукоделия; бархатная подушка с изображением болонок.

Я заглянула за витрину, в самую лавку, и там-то увидела эти кресла вишневого дерева – парные, с овальной спинкой, на гнутых ножках, с розами, вышитыми на сиденьях.

Мне их безумно захотелось. Именно безумно. Я тут же представила их у себя дома и отчаянно пожелала, чтоб так и было. Секунду я поколебалась. Ведь это же не лавка старьевщика, здесь цена может оказаться мне не по зубам. Но, в конце концов, спросить-то можно! И чтобы не растерять отвагу, я быстро открыла дверь и вошла.

Лавка была пуста, но, когда дверь открывали или закрывали, звенел колокольчик, поэтому вскоре послышались шаги – кто-то спускался по лестнице в глубине лавки, – потом отдернули суконную портьеру, прикрывавшую внутреннюю дверь, и появился человек.

Думаю, я ожидала, что хозяин лавки окажется пожилым и строго одетым господином, что было бы уместно для местоположения и специализации лавки, но внешность хозяина опрокидывала эти мои туманные априорные представления. Потому что он был молод, высок и длинноног, в обтягивающих джинсах, выцветших до бледной голубизны, и синей матерчатой куртке, не менее старой и тоже выцветшей, с деловито засученными рукавами, под которыми виднелись манжеты клетчатой рубашки. Шея у мужчины была обвязана хлопчатобумажным платком, а на ногах его были мягкие мокасины с узорами и бахромой.

В ту зиму в Лондоне кто только не одевался под ковбоя, но на этом человеке такая одежда выглядела уместной и шла ему. Мы стояли и глядели друг на друга, а потом он улыбнулся, и почему-то улыбка эта застала меня врасплох. Я не люблю, когда меня застают врасплох, и потому сказала «Доброе утро» суховатым тоном.

Он поправил за собой портьеру и мягко шагнул ко мне.

– Чем могу быть полезен?

Если вначале он мог показаться натуральнейшим, самым что ни на есть американцем, то стоило ему открыть рот, и в ту же минуту впечатление это рассеялось. Почему-то меня это задело. Жизнь, прожитая рядом с матерью, воспитала во мне изрядную долю скептицизма в отношении мужчин вообще, а притворщиков и обманщиков в частности. Этот же молодой человек, как я с ходу решила, был именно обманщиком.

– Я... я хотела спросить про вон те креслица. С овальной спинкой.

– А, понятно... – Приблизившись к креслам, он положил руку на спинку одного из них. Кисть руки была длинная, красивой формы, с округлыми ногтями пальцев, загорелая кисть. – Это парные кресла.

Я глядела на кресла, старательно игнорируя его присутствие.

– Интересно, сколько они стоят?

Он присел на корточки, разглядывая этикетку с ценой, и я увидела его волосы – густые и длинные, они достигали воротничка, были очень темными и глянцево поблескивали.

– Вам повезло, – сказал он. – Они идут по дешевке, потому что ножка одного из них была сломана, а потом починена не слишком квалифицированно. – Он внезапно распрямился, удивив меня своим ростом. Глаза у него были чуть раскосые, темно-темно-карие, и выражение их меня смущало. Мне было неловко в его присутствии, и легкая антипатия к нему стала превращаться в прямую неприязнь. – Пятнадцать фунтов за пару, – сказал он. – Но если вы готовы подождать и чуть-чуть приплатить, то я могу укрепить ножку и, пожалуй, отфанеровать стык. Тогда кресло будет прочнее, да и красивее.

– А таким, как сейчас, разве оно не годится?

– Вам годится, – пояснил молодой человек, – но если к ужину вы пригласите какого-нибудь грузного толстяка, то ужин свой он может закончить на полу.

Последовала пауза, во время которой я смерила его взглядом, как я надеялась, холодным. Глаза его искрились злорадным весельем, которое я вовсе не стремилась с ним разделить. Предположение, что на ужин ко мне станут приходить лишь грузные толстяки, меня не порадовало.

Наконец я выговорила:

– А сколько будет стоить починить ножку?

– Скажем, пять фунтов. И значит, вы приобретете кресла по десятке за штуку.

Подсчитав в уме, я решила, что могу себе это позволить.

– Я их беру.

– Хорошо, – сказал молодой человек; подбоченясь, он приветливо улыбнулся мне, как бы желая сказать, что сделка заключена.

Я подумала, что продавец он попросту никудышный.

– Вы хотите, чтобы я сейчас оплатила покупку или оставила залог?..

– Не важно. Заплатите, когда будете забирать.

– А когда они будут готовы?

– Примерно через неделю.

– Вы не хотите спросить мою фамилию?

– Только если вы сами хотите ее назвать.

– А что, если я больше не появлюсь?

– Тогда, полагаю, кресла будут проданы кому-нибудь другому.

– Не хотелось бы прошляпить их.

– Не прошляпите, – сказал молодой человек.

Я сердито нахмурилась, но он лишь улыбнулся и направился к двери – открыть ее, чтобы выпустить меня. В дверь ворвался холод, снаружи моросило, и на улице стояла сумеречная темнота.

– До свидания, – сказал он, а я, постаравшись изобразить на лице ледяную улыбку благодарности, прошла мимо него во мрак и услышала, как зазвенел колокольчик, когда за мной закрывалась дверь.

День сразу стал хуже некуда. Удовольствие, которое доставила мне покупка кресел, было испорчено досадой на молодого человека. Я не склонна испытывать к людям неприязнь с первого взгляда, но тут я злилась и на него, и на себя за то, что оказалась столь уязвимой. Я все еще переживала в душе этот случай, когда шагала по Уолтон-стрит и потом входила в магазин Стивена Форбса. Даже уютное тепло внутри и приятный запах бумаги и типографской краски не могли развеять моего паршивого настроения.

Магазин располагался на трех этажах: на первом – новые книги, на втором – букинистический отдел со старыми гравюрами и в полуподвале – кабинет Стивена. Увидев, что Дженнифер, вторая девушка-продавщица, обслуживает покупателя, а кроме него, в поле зрения находится лишь еще один клиент – пожилая дама в твидовой пелерине, поглощенная изучением книг в секции садоводства, я завернула было в маленькую гардеробную, на ходу расстегивая пальто, но тут же услышала характерную тяжелую поступь Стивена, поднимающегося из своего кабинета вверх по лестнице, и почему-то задержалась, дожидаясь его. Через секунду он появился – высокий, сутуловатый, в очках, с обычным своим выражением подспудной общей доброжелательности. Он был, как обычно, в одном из своих костюмов, всегда выглядевших на нем так, словно они нуждаются в хорошей глажке, галстук же его, даже сейчас, в первой половине рабочего дня, уже успел сбиться на сторону и обнажить верхнюю пуговицу рубашки.

– Ребекка, – проговорил он.

– Да. Я пришла.

– Рад, что перехватил вас. – Он подошел ко мне вплотную и понизил голос, чтобы не мешать клиентам: – Там внизу для вас письмо, его переслали с вашей прежней квартиры. Так что сбегайте-ка вниз и заберите его.

Я нахмурилась:

– Письмо?

– Да. Авиа. И все обклеено иностранными марками. Не знаю почему, но оно производит впечатление срочного.

Мое раздражение вкупе с мечтами о новых креслах отошло куда-то, уступив место внезапной тревоге.

– Это от мамы?

– Не знаю. Почему бы вам не пойти и не узнать?

По крутым, не покрытым ковровой дорожкой ступеням я спустилась в полуподвал, освещенный в этот хмурый день длинными полосками ламп дневного света, вделанных в потолок. Кабинет был, как всегда, вопиюще неопрятен: завален какими-то письмами, свертками, папками, кипами старых книг, картонными коробками и пепельницами, которые забыли вытряхнуть. Но адресованное мне письмо, положенное на самую середину торговой книги Стивена, было видно сразу.

Я взяла его в руки. Авиаконверт, испанские марки, почтовый штемпель Ибицы. Но почерк незнакомый – заостренный и колючий, как будто писали очень тонким пером. Письмо было послано на прежнюю квартиру, но адрес перечеркнут и заменен адресом книжного магазина, написанным крупным девчачьим почерком. Я прикинула, сколько это письмо пролежало на столике возле входной двери, прежде чем попало на глаза одной из девушек и прежде чем она удосужилась направить его мне.

Сев в кресло Стивена, я вскрыла конверт. Внутри находилось два листочка хорошей почтовой бумаги, а в начале письма была проставлена дата: 3 января. Почти месяц назад. В мозгу моем зазвучала тревожная нота; чувствуя внезапный страх, я стала читать.

Дорогая Ребекка!

Надеюсь, Вы не обидитесь, что я обращаюсь к Вам по имени – ведь Ваша мама так много мне о Вас рассказывала. Пишу Вам, потому что мама Ваша очень больна. Она недомогала уже давно, и, конечно, лучше было бы написать Вам раньше, но она не разрешала.

Однако теперь уж я настоял на своем и, с одобрения доктора, хочу известить Вас, что, мне кажется, Вам стоит прилететь повидаться с ней.

Если это возможно, телеграфируйте, пожалуйста, номер рейса, чтобы я мог встретить Вас в аэропорту.

Я знаю, что Вы работаете и путешествие это для Вас может оказаться трудноосуществимым, но я настоятельно советую Вам поторопиться. Боюсь, что Вы найдете маму сильно изменившейся, хотя дух ее по-прежнему бодр.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш

Отто Педерсен

Я сидела, недоверчиво уставясь на письмо. Формально вежливые слова мне ничего не говорили и одновременно говорили мне все. Мама больна, может быть, при смерти. Месяц назад мне советовали поторопиться, немедленно повидаться с ней. Прошел уже целый месяц, а я только сейчас получила письмо. Может быть, она умерла, а я не приехала! Что же должен думать обо мне этот Отто Педерсен, которого я никогда в жизни не видела, чье имя даже впервые слышу!

2

Я перечитала письмо снова, потом еще раз. Тоненькие бумажные листки шелестели в моих руках. Я все еще сидела там, в кресле Стивена, когда, разыскивая меня, он спустился наконец вниз.

Я повернулась к нему, глядя на него вполоборота. Он увидел мое лицо и спросил:

– Что случилось?

Я попыталась сказать ему, но не смогла. Вместо этого я сунула ему в руки письмо и, пока он разворачивал его и читал, сидела, облокотясь на его стол, и грызла ногти больших пальцев; расстроенная, сердитая, я старалась побороть мучительное беспокойство.

Очень быстро прочтя письмо, он кинул его на разделявший нас стол и спросил:

– Вы знали, что она больна?

Я покачала головой.

– Когда в последний раз вы получали от нее известия?

– Месяца четыре-пять назад. Она не любит писать писем. – Я подняла на него глаза и сказала с ожесточением, глотая комок в горле: – Этому письму почти целый месяц. Оно пролежало в квартире, и никто не потрудился переслать его мне. Может быть, она умерла, а меня не было там, и она думала, что я просто наплевала на нее!

– Если б она умерла, – сказал Стивен, – мы бы об этом непременно узнали. А сейчас перестаньте плакать, для этого нет времени. Первейшая наша задача – это чтобы вы как можно скорее вылетели на Ибицу, а перед тем сообщить... – он опять взглянул на письмо, – ...мистеру Педерсену, что вы прибудете. Все прочее не важно.

Я сказала:

– Я не могу лететь, – и рот мой приоткрылся, а нижняя губа задрожала, как у десятилетней девочки.

– Почему вы не можете лететь?

– У меня нет денег на билет.

– Ну, детка, это уж моя забота.

– Но я не могу позволить...

– Прекрасно можете, а если уж вас так распирает от гордости, отдадите мне долг лет через пять, а я с вас взыщу проценты, чтобы доставить вам удовольствие. Теперь же, ради всего святого, хватит об этом! – Он уже тянулся к телефонному справочнику, проявляя совершенно на него не похожую деловитость. – Паспорт у вас при себе? Так, приставать со всякими глупостями, вроде прививки от оспы, к вам не будут... Алло? «Бритиш эйрвейз»? Я хочу забронировать место на первый же рейс до Ибицы! – Он улыбнулся мне, все еще боровшейся со слезами и собственным характером, но уже значительно приободрившейся. Что может быть лучше в минуты душевного кризиса, чем передать все на волю и попечение большого и доброго мужчины?

Взяв карандаш и придвинув к себе бумагу, он стал записывать:

– Да. Когда? Прекрасно! Забронируйте, будьте любезны! Мисс Ребекка Бейлис. А на Ибицу он когда прибывает? И номер рейса, пожалуйста. Большое спасибо. Спасибо. Да, в аэропорт я отвезу ее сам.

Он положил трубку и стал не без удовольствия разглядывать неудобочитаемые каракули, оставленные его карандашом.

– Значит, так. Вы вылетаете завтра утром, в Пальме пересаживаетесь на другой самолет, на Ибицу прибываете около половины восьмого. Я отвезу вас в аэропорт. Нет, только не начинайте опять спорить! Мне будет спокойнее, если я собственными глазами увижу, что вы идете

к трапу. А сейчас мы пошлем телеграмму мистеру Отто Педерсену... – он опять взял в руки письмо, – на виллу «Маргарета» в Санта-Катарине, сообщим ему, что вы вылетаете.

И он опять улыбнулся мне так весело и ободряюще, что я внезапно преисполнилась надеждой.

Я сказала:

– Не знаю, как благодарить вас.

– Вот и хорошо, и не надо, – заметил Стивен. – Уж такую-то малость я могу сделать!

На следующий день я была в самолете, наполовину заполненном оптимистически настроенными зимними туристами. Они даже прихватили с собой соломенные шляпы на случай неведомо жгучего солнца, и лица их, когда мы ступили на мокрую от мелкого назойливого дождя землю Пальмы, несколько вытянулись, хотя и демонстрировали настойчивое желание весело улыбаться в надежде, что уж завтра-то все наладится.

Дождь лил не переставая все четыре часа, что я провела в зале для транзитных пассажиров, а на вылете из Пальмы нас здорово трясло, потому что самолет продирался сквозь густые дождевые облака. Но потом, когда, набрав высоту, мы поднялись над облаками и полетели над морем, погода прояснилась. Облака разредились, в просветах показалось вечернее небо цвета голубых яиц малиновки, а далеко внизу обозначилась морщинистая гладь моря, пронизанная розовыми полосами закатного солнца.

Приземлились мы в темноте. В темноте и сырости. Спускаясь по трапу под южным, полным ярких звезд небом, я ощущала только запах авиационного бензина, но, когда по бетонированному, покрытому лужами полю я шла к огням аэровокзала, в лицо мне повеял ласковый ветерок. Он был теплым, пахнул сосновой хвоей и привел мне на память множество летних каникул, которые я провела за границей.

В это тихое, нетуристское время года самолет был неполон, и пройти таможенный и иммиграционный контроль не составило труда. Мне шлепнули штамп в паспорте, я подхватила чемодан и направилась в зал прибытия. Там, как обычно, мелкими группками кучковались люди – стояли или понуро и безучастно сидели на длинных пластиковых скамьях. Я остановилась и огляделась в надежде, что меня окликнут, но не нашла никого, кто хотя бы отдаленно напоминал приехавшего встретить меня шведского писателя. А потом мужчина, покупавший газету в киоске на другом конце зала, обернулся. Взгляды наши встретились, и он двинулся в мою сторону, сложив газету и на ходу запихивая ее в карман, как вещь, отныне ему совершенно не нужную. Он был высок и худощав, с волосами не то белокурыми, не то седыми – в ярком и безликом электрическом свете понять это было невозможно. Когда по полированному паркету он прошел почти полпути, я попробовала улыбнуться, и он, приблизившись, назвал мое имя «Ребекка?» с вопросительной интонацией, не вполне уверенный, что это я.

– Да.

– Я Отто Педерсен.

Мы обменялись рукопожатием, при этом он церемонно отвесил мне легкий поклон. Волосы у него, как я разглядела вблизи, были светло-русыми и седоватыми, он был строен и костист, с лицом, покрытым густым загаром, а кожа его от постоянного пребывания на солнце стала сухой, с сеткой тонких морщинок. Глаза – очень светлые, скорее серые, чем голубые. Одет он был в черный свитер-водолазку и легкий бежеватый, цвета овсяных хлопьев костюм со складчатыми, как на рубашке-сафари, карманами и незатянутым, с болтающейся пряжкой поясом. От него веяло лосьоном после бритья и чистотой, безупречной, как после отбеливателя.

Обретя друг друга, мы секунду не знали, что сказать, внезапно оба остро ощутили трагические обстоятельства нашей встречи, и я поняла, что он испытывает ту же неуверенность, что и я. Но, будучи человеком воспитанным и вежливым, он справился со смущением, подхватил мой чемодан и осведомился, весь ли это багаж.

– Да, больше ничего нет.

– Тогда пойдемте к машине. Хотите – постоит здесь у выхода, а я подгоню ее, чтобы вам не делать лишних движений.

– Нет, я пойду с вами.

– Автостоянка близко, через дорогу.

Мы вышли вместе, опять нырнув в темноту. Он привел меня к полупустой автостоянке, где остановился возле большого черного «мерседеса», открыл его и закинул на заднее сиденье мой чемодан. Потом он придержал дверцу, усаживая меня, после чего, обогнув машину, сел рядом на водительское место.

– Надеюсь, вы хорошо перенесли дорогу? – вежливо поинтересовался он, когда, отъехав от аэровокзала, мы очутились на дороге.

– Немного потрясло в Пальме. И ждать пришлось четыре часа.

– Да. В это время года прямые рейсы отменяют.

Я судорожно глотнула.

– Мне надо объяснить вам, почему я не ответила на ваше письмо. Я переехала и письмо получила лишь вчера утром. Понимаете, мне его не переслали. Вы так любезно написали мне и, наверное, удивлялись, почему я не ответила.

– Я предполагал нечто подобное.

Его английский был безукоризнен, лишь шведская четкость гласных и некоторая церемонность выражений выдавали его происхождение.

– Когда я получила ваше письмо, я так испугалась... что могу опоздать...

– Нет, – сказал Отто. – Вы не опоздали.

Что-то в его голосе заставило меня бросить на него взгляд. Его профиль, освещенный желтым светом пролетающих за стеклами огней, был острым как нож, выражение лица – не улыбочное, суровое.

Я спросила:

– Она умирает?

– Да, – сказал Отто. – Да, она умирает.

– Что с ней такое?

– Рак крови. Так называемая лейкемия.

– Давно она болеет?

– Примерно год. Но плохо ей стало перед самым Рождеством. Доктор решил, что следует попробовать переливание крови, и я отвез ее в больницу. Но ничего хорошего не вышло, потому что, как только ее отпустили домой, у нее началось ужасное носовое кровотечение. Пришлось вызвать «скорую» и опять отвезти ее в больницу. Рождество она провела там, и выписали ее далеко не сразу. Тогда я и написал вам.

– Жаль, что я не получила письма вовремя. Она знает о моем приезде?

– Нет, я не сказал ей. Вам хорошо известно, как она обожает сюрпризы и как ненавидит разочаровываться. Я решил, что может случиться так, что этим рейсом вы не прилетите. – Он холодно улыбнулся. – Но вы, конечно, прилетели.

Мы остановились на перекрестке, пропуская деревенскую фуру; копыта мула приятно шлепали в дорожной пыли, а на задке фуры раскачивался фонарь. Отто воспользовался остановкой, вытащил из нагрудного кармана сигару с обрезанными концами и закурил от зажигалки на приборной доске. Фура проехала, и мы двинулись дальше.

– Вы давно не видели маму?

– Два года.

– Вы должны быть готовы к тому, что она очень изменилась. Боюсь, перемена поразит вас, но постарайтесь, пожалуйста, не подавать вида. Она все еще крайне тщеславна.

– Вы так хорошо ее знаете.

– А как же иначе?

Мне очень хотелось спросить его, любит ли он мою мать. Вопрос этот вертелся у меня на языке, но я понимала, что на этой стадии нашего знакомства спросить о такой личной и интимной вещи было бы сушей наглостью. А кроме того, какая разница? Он встретил ее, захотел быть с ней, он дал ей дом и теперь, когда она так больна, нежно заботится о ней в этой своей внешне суховатой манере. Если это не любовь, то что же?

Вскоре мы заговорили о вещах посторонних. Я спросила, давно ли он живет на острове, и он ответил, что пять лет. Впервые он приплыл сюда на яхте, и место так ему понравилось, что на следующий год он вернулся на остров, купил дом и обосновался здесь.

– Вы писатель?

– Да, но, кроме того, профессор истории.

– Вы пишете исторические труды?

– Писал. А сейчас работаю над исследованием мавританского завоевания и периода владычества мавров здесь, на островах, и на юге Испании.

Эти слова произвели на меня впечатление. Насколько мне помнилось, раньше среди маминых любовников не было ни одного, хоть отдаленно напоминавшего интеллектуала.

– Далеко еще до вашего дома?

– Около пяти миль. Когда я впервые очутился здесь, деревня Санта-Катарина была совершенно первозданной и нетронутой. Однако теперь намечается строительство гостиничного комплекса, и, боюсь, место это испортят, как испортили и весь остров. Нет, я неверно сказал. Как испортили и некоторые другие места на острове. Здесь пока еще возможно полное уединение, если знаешь, где его искать, и вдобавок располагаешь машиной, а может быть, еще и моторной лодкой.

В машине было тепло, и я опустила стекло в окошке. В лицо мне повеяло мягкое вечернее дуновение, и я увидела, что вокруг нас уже раскинулся сельский ландшафт, а мимо пробегают оливковые рощи и мерцают огоньки крестьянских домов, выглядывая из-за раскидистых и колючих опунций.

– Я рада, что она здесь, – сказала я. – То есть я хочу сказать, что, если уж ей суждено заболеть и умереть, я рада, что произойдет это в таком месте, на юге, где пригревает солнышко и пахнет сосновой хвоей.

– Да, – сказал Отто и добавил, как всегда четко: – Думаю, она была здесь очень счастлива.

Мы ехали в молчании по пустынной дороге, и навстречу нашим фарам бежали телеграфные столбы. Я видела теперь, что мы мчимся по берегу моря, раскинувшегося до невидимого темного горизонта и усеянного там и тут огоньками рыбацких шхун. Вскоре перед нами обозначились неоновые огни и показался силуэт деревеньки. Мы миновали дорожный знак с названием «Санта-Катарина» и теперь катили по главной улице, где витали запахи лука, растительного масла и жаренного на рашпере мяса. Из распахнутых дверей к нам рвались звуки фламенко. Смуглые лица обращались в нашу сторону и провожали взглядами, полными рассеянного любопытства. Через минуту деревня осталась позади, а мы врезались в черноту за ней лишь затем, чтобы почти сразу же, притормозив и сделав крутой поворот, въехать на узкую аллею, шедшую вверх между миндальными деревьями по обочинам. Наши фары прорезали темноту, и я увидела впереди виллу – белый квадрат фасада, который разнообразили лишь маленькие замкнутые оконца и зажженный фонарь, раскачивавшийся над украшенной шляпками гвоздей входной дверью.

Отто нажал на тормоз и заглушил мотор. Мы вышли из машины. Отто достал с заднего сиденья мой чемодан и через вымощенную гравием площадку пошел впереди меня к дому. Он открыл дверь и посторонился, пропуская меня вперед.

Мы очутились в прихожей, освещенной люстрой из кованого железа, а из мебели там стояла длинная кушетка, покрытая пестрым одеялом. Возле двери стоял сине-белый кувшин с тро-

стями, увенчанными набалдашниками из слоновой кости, и с зонтиками от солнца. Как только Отто притворил входную дверь, напротив открылась другая, внутренняя, выпустив маленькую темноволосую женщину в розовом халате и разболтанных ношеных тапочках.

– Señor¹.

– Мария.

Женщина улыбнулась, обнажив ряд золотых зубов. Отто заговорил с ней по-испански – задал какой-то вопрос, она ответила, после чего он представил ей меня.

– А это Мария, которая ведет все наше хозяйство. Я сказал ей, кто вы такая.

Я протянула руку, и Мария пожала ее. Мы дружелюбно заулыбались, кивая друг другу. Потом Мария опять повернулась к Отто и еще что-то сказала. После этого он передал ей мой чемодан, и она удалилась.

Отто объявил:

– Ваша мама спала, но сейчас проснулась. Разрешите мне помочь вам с пальто.

Я расстегнула пуговицы, а он снял с меня пальто и положил его на край кушетки. Затем он направился к еще одной двери, сделав мне знак следовать за ним. Я повиновалась, внезапно занервничав, боясь того, что предстояло мне увидеть. Он ввел меня в гостиную – длинную комнату с низким потолком и стенами, белеными, как и весь дом. Обставлена она была приятной смесью современной скандинавской и старинной мебели. По плиточному полу были разбросаны ковры, кругом было множество книг и картин, а круглый стол посередине манил обилием аккуратно разложенных журналов и газет.

В большом камине горели настоящие дрова, а напротив была постель с низким столиком возле нее; на столике стояли стакан с водой и кувшин, кружка с несколькими стебельками розовой герани, лежали книги и горела лампа.

Комната была освещена только этой лампой и мерцающим огнем в камине, но от самой двери я увидела хрупкую фигуру под розовыми одеялами и исхудалую руку, протянувшуюся к Отто, едва он приблизился и встал на ковре у камина.

– Милый, – сказала она.

– Лайза.

Он взял ее руку, поцеловал.

– Тебя так долго не было!

– Мария сказала, что ты спишь. Ты в силах принять гостью?

– Гостью? – тоненько сказала она. – Кого же?

Отто покосился на меня, и я выступила вперед, встав рядом с ним.

Я сказала:

– Это я, Ребекка.

– Ребекка! Детка дорогая! О, какая радость и как забавно!

Она протянула мне обе руки, и я встала на колени, целуя ее. Тело ее не сопротивлялось и не давало опоры – такой она была худой, и когда я коснулась губами ее щеки, это было как прикосновение к пергаменту. Щека ее напоминала засохший листок, давно сорванный с родного дерева, скрученный, гонимый ветром.

– Но что ты делаешь здесь? – Она поглядела через плечо на Отто, потом перевела взгляд на меня, притворно нахмурилась: – Это не ты велел ей приехать?

– Я подумал, что тебе будет приятно повидать ее, – сказал Отто, – подумал, что тебя это взбодрит.

– Но, милый, почему ты ничего не сказал мне?

Я улыбнулась:

– Мы хотели, чтобы это был сюрприз.

---

¹ Сеньор (исп.).

– Лучше бы мне было знать заранее, тогда я могла бы предвкушать встречу с тобой. Ведь мы именно так и думали до Рождества. Предвкушение – это же половина удовольствия! – Она отпустила меня, и я откинулась назад, сев удобнее. – Ты у нас остановишься?

– На день-другой.

– О, как замечательно! Мы сможем всласть посплетничать! Отто, а Мария знает, что Ребекка остается?

– Конечно.

– А как насчет сегодняшнего ужина?

– Мы обо всем договорились – ужинать мы будем здесь, вдвоем.

– Ну давайте тогда сейчас что-нибудь придумаем. Выпьем. В доме есть шампанское?

Отто улыбнулся:

– Думаю, найдется бутылочка. Помнится, я припас одну на такой случай и держу ее во льду.

– Ах ты, хитрюга!

– Так принести сейчас?

– Пожалуйста, милый. – Ее пальцы скользнули в мои, и это было все равно что держать цыплячий скелетик. – Мы выпьем за встречу!

Отто вышел за шампанским, и мы остались вдвоем. Найдя низенькую табуретку, я подвинула ее к постели, чтобы можно было сесть возле нее. Мы глядели друг на друга, и она все улыбалась. Ее ослепительная улыбка и блестящие темные глаза остались прежними, как и темные волосы, пятном черневшие сейчас на снежно-белой наволочке. Остальное в ней было страшно. Трудно было вообразить себе, что живой человек может быть таким худым. А в довершение нереальности этой совершенно невообразимой картины кожа матери была вовсе не бледной или бескровной, а покрытой густым загаром, словно она и теперь еще проводила дни, нежась на пляже. Но возбуждение не покидало ее. Она все говорила и, казалось, не могла остановиться:

– Какая прелесть, что мой дорогой догадался, до чего мне хотелось видеть тебя! Только вот со мной стало так скучно, мне ничего не хочется, и все так трудно. Ему бы подождать, пока мне станет лучше, тогда бы мы могли повеселиться вместе, поплавать, походить на яхте, и пикники устраивать, и все такое...

– Я могу приехать еще раз, – сказала я.

– Да, конечно, можешь. – Она коснулась рукой моего лица, словно ей необходимо было этим прикосновением убедиться в реальности моего присутствия. – Ты великолепно выглядишь, тебе это известно? Матью ты в отца – эти большие серые глаза, эти волосы пшеничного цвета... Они пшеничные или золотистые? И мне нравится твоя прическа. – Ее рука потянулась к моей косе, и коса упала мне на плечо, толстая, как канат. – Она делает тебя похожей на принцессу из сказки – знаешь эти старые книжки с чудесными картинками? Ты очень хорошенькая.

Я покачала головой:

– Нет, это не так.

– Ну, выглядишь хорошенькой, а это почти одно и то же. Милая, что ты делала все это время? Мы так давно не переписывались, и я не имела от тебя вестей. Чья это вина? Наверное, моя, ведь я в смысле писем человек безнадешный.

Я рассказала ей о книжном магазине и о новой квартире. Последнее ее позабавило.

– Какая же ты чудачка – вить гнездышко и не иметь никого, с кем это гнездышко разделить! Неужели ты не встретила человека, за которого захотела бы выйти замуж?

– Нет. И того, кто захотел бы жениться на мне, – тоже.

В лице ее промелькнуло выражение коварства.

– А как насчет твоего хозяина?

– Он женат, у него прелестная жена и целый выводок детей.

Она фыркнула:

– Вот уж что никогда меня не смущало! О, милая моя, какой же ужасной матерью я была, самым nepозволительным образом таскала тебя по всему свету! Удивительно еще, как в тебе не развился целый букет неврозов, маний или как там их теперь называют? Но по тебе не скажешь, что они у тебя есть, так что, возможно, это было не так уж плохо.

– Конечно неплохо. Просто я росла с открытыми глазами, а это вовсе не вредно. – И я прибавила: – Мне нравится Отто.

– Ну разве он не чудо? Такой корректный, пунктуальный, такой северянин. И такой ярко выраженный интеллеktуал... Какое счастье, что он не требует и от меня интеллекта! Только любит, когда я его смешу.

Где-то в глубине дома часы пробили семь, и с последним ударом в комнате опять возник Отто с подносом, на котором в ведерке со льдом высилась бутылка шампанского, а рядом с ведерком стояли три бокала. Мы глядели, как он опытной рукой раскупорил бутылку, разлил по бокалам золотистую пену, и мы взяли бокалы и подняли их с улыбками, потому что неожиданно у нас получилась вечеринка. Мать сказала:

– Ну, за нас троих и за счастливые времена! О, как восхитительно забавно!

Позже меня проводили в мою спальню, которая была не то просто роскошна, не то роскошно проста – я так и не смогла подобрать ей точного определения. К ней примыкала отдельная ванная, и я приняла душ, после чего переоделась в брюки и шелковую блузку, причесалась, переплела косу и вернулась в гостиную. Мама и Отто уже ждали меня там. Отто тоже переоделся к ужину, а на маме была свежая пижамная кофта дымчато-голубого цвета, а на коленях шелковая шаль, расшитая палевыми розами; длинная бахрома шали касалась пола. Мы выпили еще, а потом Мария подала ужин, сервировав его на низеньком столике возле камина. Мама болтала без умолку и то и дело возвращалась в прошлое, ко времени моего детства. Я сначала подумала, что Отто будет этим шокирован, но он ничуть не был шокирован – проявлял интерес, много смеялся и задавал вопросы, побуждая маму продолжать ее рассказы.

– ...а этот кошмарный дом в Денбишире... Ребекка, помнишь этот ужасный дом? Мы помирали от холода, а камин дымил как сумасшедший. Это было у Себастьяна, – пояснила она Отто. – Мы все считали, что из него выйдет знаменитый поэт, но оказалось, что в стихах он смыслит не больше, чем в овцеводстве. По правде говоря, даже меньше. И я все не могла придумать, как бы расстаться с ним так, чтобы не ранить его чувств, и тут, по счастью, Ребекка подхватила бронхит, и у меня появился прекрасный повод.

– Но для Ребекки это не было особым счастьем, – предположил Отто.

– Да было, было! Она, как и я, ненавидела тот дом; вдобавок там была страшная собака, которая все норовила ее укусить. Милый, есть еще шампанское?

Она почти не ела, зато пила бокал за бокалом ледяное шампанское, в то время как мы с Отто усердно поглощали приготовленный Марией вкуснейший ужин из четырех перемен. Когда ужин был окончен и тарелки убраны, мать захотела музыки, и Отто поставил на проигрыватель концерт Брамса, приглушив звук. Мама все продолжала говорить, как заводная игрушка с закрученной до отказа пружиной, бестолково мечущаяся по полу, пока не сломается.

Вскоре Отто извинился, сказав, что ему надо работать, и оставил нас вдвоем, предварительно подкинув в камин еще поленьев и удостоверившись, что нам больше ничего не нужно.

– Он, что, работает каждый вечер? – спросила я, когда он ушел.

– Почти каждый. И каждое утро. Он очень пунктуален. Думаю, поэтому нам и было так хорошо вместе, что мы такие разные.

– Он обожает тебя, – заметила я.

– Да, – согласилась мать. – И самое лучшее, что он никогда не пытался превратить меня в кого-то другого, просто принимал такой, какая я есть, со всеми моими дурными привычками и пестрым прошлым. – Она опять потрогала мою косу. – Ты стала больше похожа на отца...

Я всегда считала, что ты пошла в меня, но нет, сейчас ты стала похожа на него. Он был очень красивый.

– Знаешь, я ведь даже имени его не знаю.

– Сэм Беллами. Но фамилия Бейлис гораздо лучше, ты не считаешь? А потом, поскольку воспитывала тебя я одна, я привыкла считать тебя только своей дочерью – своей, и больше ничьей.

– Интересно было бы, если б ты что-нибудь рассказала о нем. Ты никогда не рассказывала.

– О нем мало что можно рассказать. Он был актером и красоты неопишущей.

– А как ты с ним познакомилась?

– Он приехал в Корнуолл с труппой летнего театра на паях играть Шекспира на открытой площадке. Ужасно романтично: темно-синие летние вечера и влажный запах росы на траве, и божественная музыка Мендельсона, и Сэм в роли Оберона:

Осветите спящий дом
Сонным мертвенным огнем.
Каждый эльф и крошка-фея,
Легче птичек всюду рея...²

Волшебно. И влюбиться в него было частью волшебства.

– А он в тебя влюбился?

– Мы оба тогда думали, что да.

– Но ты сбежала с ним из дома, вышла за него замуж...

– Да. Но только потому, что родители не оставили мне другого выхода.

– Не понимаю.

– Он им не нравился. Они не одобрили его. Сказали, что я слишком молода. А мама сказала, почему бы мне не выйти замуж за какого-нибудь симпатичного молодого соседа, не остепениться, не перестать что-то вечно из себя корчить. А если я выйду за актера, что скажут люди? Порой я думаю, что единственной ее заботой было, что скажут люди. Как будто это имеет хоть какое-то значение!

Невероятно, но лишь тогда она впервые в разговоре со мной упомянула о своей матери. И я рискнула подсказать ей:

– Ты не любила ее?

– О, милая, все это было так давно. С трудом вспоминается. Но она давила на меня, угнетала. Иногда я просто физически чувствовала, как она душит меня условностями. А Роджера убили, и я так ужасно по нему скучала. Все было бы иначе, будь рядом Роджер. – Она улыбнулась. – Он был такой милый. Невозможно милый. Настоящий стерлюб с головы до пят.

– Что такое стерлюб?

– Любитель стерв. Вечно влюблялся в каких-то жутких девиц. И в конце концов женился на такой же. Куколка-блондинка с волосами, как у куклы, и с голубыми фарфоровыми кукольными глазками. Я ее не выносила.

– Как ее звали?

– Молли. – Мать поморщилась, словно даже произнести это имя ей было гадко.

Я рассмеялась:

– Ну неужели уж до такой степени она была противна!

– Я считала, что да. Омерзительно аккуратна. Вечно то сумочку разбирает, то набойки ставит, то дезинфицирует детские игрушки...

---

² У. Шекспир. Сон в летнюю ночь. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

– Значит, у нее был ребенок?

– Да, мальчик. Несчастный младенец, она настояла, чтоб его назвали Элиот.

– По-моему, хорошее имя.

– Как можешь ты так говорить, Ребекка! Тошнотворное имя! – Было ясно, что все, связанное с Молли, – будь то слова или поступки – в глазах матери не могло иметь оправдания. – Мне всегда так жаль было этого ребенка – обременить на всю жизнь таким жутким именем! Ну и ребенок получился под стать имени, знаешь, как это бывает. А когда уж Роджер погиб, бедный малыш стал совсем невыносим: не слезал у матери с рук и требовал, чтобы по ночам в комнате не гасили свет.

– По-моему, ты слишком к нему сурова.

Она засмеялась:

– Да. Знаю. И он не виноват. Может быть, он и вырос бы вполне благопристойным юношей, если б мать не испортила все сама.

– Интересно, что стало с Молли.

– Не знаю. И знать не хочу. – Мама всегда умела рубануть с плеча. – Все это как сон. Как будто вспоминаешь персонажей сна или призраки. А может быть... – Голос ее замер. – Может быть, они как раз реальные люди, а призрак – это я.

Мне стало не по себе, настолько это было похоже на правду, которую я пыталась от нее скрыть. Я быстро спросила:

– А твои родители живы?

– Мать умерла в то Рождество, когда мы были в Нью-Йорке. Помнишь то Рождество в Нью-Йорке? Холод и снег, и из всех лавок несется мелодия «Звон колокольный», помнишь, к концу праздников я уже слышать ее не могла! Отец написал мне, но письмо, разумеется, я получила лишь месяц спустя, когда оно наконец нашло меня, облетев полсвета. А тогда отвечать было поздно, да и что тут было сказать? Потом письма – это настолько не моя стихия... Он, наверное, решил, что мне попросту наплевать.

– Ты так и не написала?

– Нет.

– Ты и его не любила? – Картина вырисовывалась безнадежная.

– О нет, его я обожала. Он был замечательный. Ужасно красивый, любимец женщин, такой суровый, мужественный, так что даже страшно. Он был художником. Разве я тебе не говорила?

Художник. Я представляла себе кого угодно, но только не художника.

– Нет, никогда не говорила.

– Ну, если бы ты получила мало-мальское образование, ты, возможно, сама бы догадалась. Гренвил Бейлис. Тебе это имя ничего не говорит?

Я скорбно покачала головой. Какой ужас – слыхом не слыхивать о знаменитом деде!

– Что ж, ничего удивительного. Я не слишком усердствовала в таскании тебя по галереям и музеям. Подумать, так я вообще не слишком усердствовала. Чудо еще, что ты выросла такая, какая ты есть, на строгой диете материнского невнимания.

– Как он выглядел?

– Кто?

– Твой отец.

– А ты каким его себе представляешь?

Поразмыслив, я представила себе некое подобие Огастеса Джона³.

– Богемного вида, бородатый, с львиной гривой.

---

³ *Огастес Джон* (1878–1961) – английский рисовальщик и живописец, в чьем творчестве отразились идеи символизма и постимпрессионизма.

– Все не так, – сказала мать. – Он был совершенно другим. Начинал он морским офицером, и это наложило на него неизгладимый отпечаток. Видишь ли, в художники он пошел, когда ему было уже под тридцать – бросил свою многообещающую карьеру и поступил в Слейд⁴. Мать была в отчаянии. А уж когда они переехали в Корнуолл и обосновались в Порткеррисе, к ее отчаянию прибавилась и обида. Думаю, она так и не простила ему его эгоизма. Ведь она-то готовилась блистать на Мальте, и возможно, в качестве супруги главнокомандующего. Должна признать, что для роли главнокомандующего он подходил идеально: голубоглазый, представительный, пугающе суровый. Он до конца не утратил качество, которое тогда называли «флотской выправкой».

– Однако тебя его суровость не пугала?

– Нет, я обожала его.

– Тогда почему же ты не вернулась домой?

Лицо ее замкнулось.

– Не могла. И не хотела. Были сказаны ужасные вещи с обеих сторон. Всплыли старые обиды, правды и неправды, прозвучали и угрозы, и ультиматумы. И чем больше они возражали, тем упрямее я становилась, и тем невозможнее потом, по прошествии времени, было для меня признать, что они оказались правы и что я совершила вопиющую ошибку. И потом, если бы я вернулась домой, оттуда мне было бы уже больше не вырваться. Я это знала. И ты принадлежала бы не мне, тобой завладела бы бабушка. А это уж было бы слишком. Ты была такая прелестная крошка. – Мать улыбнулась и добавила чуть грустно: – И ведь мы весело проводили время, правда?

– Конечно!

– Мне очень хотелось вернуться. Несколько раз я чуть было не вернулась. Дом у нас был такой красивый. Боскарва – так называлась усадьба, она была очень похожа на эту виллу, тоже дом на высоком холме, над самым морем. Когда Отто привез меня сюда, мне сразу вспомнилась Боскарва. Только здесь тепло, и ветерок тихий, теплый, а там жуткие штормы и ветры, и сад весь был перегорожен высокими живыми изгородями, чтобы уберечь клумбы от морских ветров. По-моему, моей матери ветры эти были особенно ненавистны. Она вечно закупоривала все окна и старалась не вылезать из дома – играла в бридж с приятелями или вышивала гарусом по канве.

– А тобой она занималась?

– Скорее нет.

– Кто же тебя нянчил?

– Петтифер. И миссис Петтифер.

– Кто это такие?

– Петтифер тоже раньше служил на флоте. Он был отцовским лакеем, чистил серебро и иногда водил машину. А миссис Петтифер стряпала. Не могу передать, до чего мне с ними было уютно: сидишь, бывало, у камелька на кухне, они гренки поджаривают, а ты слушаешь, как ветер стучит в окно, но знаешь, что внутрь ему не пробраться, и чувствуешь себя в полной безопасности. А еще мы гадали на спитом чае... – Голос матери замолк, она погрузилась в какие-то неясные воспоминания. Потом вдруг сказала: – Нет, это была София.

– Кто это – София?

Она не ответила. Она глядела на огонь, и лицо ее было отрешенным. Может быть, она и не слышала моего вопроса. Наконец она опять заговорила:

---

⁴ Имеется в виду художественное училище при Лондонском университете; основано в 1871 г., носит имя коллекционера Феликса Слейда.

– После смерти матери мне надо было вернуться. Я дурно поступила, что не вернулась, но от природы я не была наделена, что называется, переизбытком добродетели. И знаешь, в Боскарве осталось кое-что из моих вещей.

– Какие вещи?

– Насколько помню, бюро. Маленькое, с выдвижными ящиками до самого пола с одной стороны и закрывающейся крышкой. Так называемый давенпорт. Потом нефритовые статуэтки, которые отец привез из Китая, венецианское зеркало. Это все мне принадлежало. С другой стороны, я столько колесила по свету, что таскать их с собой было бы затруднительно. – Она взглянула на меня, чуть нахмурившись. – Но, может быть, тебе бы онигодились. У тебя есть мебель в этой твоей квартире?

– Нет. Практически нет.

– Тогда, возможно, мне стоит попытаться раздобыть это для тебя. Вещи, должно быть, еще в Боскарве, если только дом не продан или не сгорел. Хочешь, я попробую это сделать?

– Очень хочу. И не потому только, что мне так нужна мебель, а потому, что это твои вещи.

– О милая, как славно и как забавно, что ты так тянешься к своим корням! А я вот их терпеть не могла. Мне всегда казалось, что они привязывают меня к месту!

– А мне всегда казалось, что с ними я обрету родословную, семью.

– Твоя семья – это я, – сказала она.

Мы проболтали чуть ли не всю ночь напролет. Часов в двенадцать она попросила налить ей в кувшин воды, и я отправилась на кухню, где никого не было, сделала то, что она просила, и поняла, что Отто с присущим ему мягким тактом, наверное, тихо лег, чтобы мы могли побыть вдвоем. А когда наконец в мамином голосе появилась усталость и речь ее стала нечеткой и вялой, оттого что она совершенно выдохлась, я сказала, что тоже хочу спать, и это было правдой, потом встала, вся затекшая от долгого сидения, потянулась и подбросила в камин еще поленьев. Затем я вынула у нее из изголовья вторую подушку, чтобы она могла лечь и заснуть. Шелковая шаль соскользнула на пол. Я подняла ее, сложила и повесила на кресло. Оставалось только наклониться, чтобы поцеловать ее, выключить лампу в комнате, освещаемой теперь лишь огнем в камине. И когда я была уже в дверях, она сказала, как всегда говорила мне в детстве:

– Спокойной ночи, деточка. До свидания и до завтра.

На следующее утро я проснулась рано от солнечных лучей, пробивавшихся сквозь щели в ставнях. Вскочив, я распахнула ставни навстречу сияющему средиземноморскому утру. Через открытое окно я выбралась на каменную террасу, опоясывающую дом, и не больше чем в миле от дома увидела спуск к морю. Там все было песочно-желтым, окутанным нежной розовой дымкой зацветающего миндаля. Вернувшись в комнату, я оделась и опять через окно вылезла наружу на террасу и потом по ступенькам спустилась в аккуратно возделанный сад. Я перемахнула через низкую каменную ограду и направилась в сторону моря. Вскоре я очутилась в рощице миндальных деревьев. Остановившись и подняв голову, я любовалась на пенно-розовый цветущий миндаль и просвечивающую за ним бледную голубизну безоблачного неба.

Я знала, что каждый цветок должен принести драгоценный плод, который со временем будет бережно снят с ветки, но все-таки не могла удержаться, чтобы не сорвать веточку, и все еще несла ее в руке, когда час или два спустя, побродив по берегу, тем же путем стала подниматься к вилле.

Подъем оказался круче, чем я предполагала. Приостановившись, чтобы перевести дух, я взглянула вверх, на дом, и увидела, что Отто Педерсен, стоя на террасе, смотрит, как я поднимаюсь в гору. С минуту мы оба не двигались, а потом он сделал движение к ступенькам и стал спускаться по лестнице. Он вышел в сад навстречу мне.

Я замедлила шаг, не выпуская из руки цветущей ветки. Но я все поняла. Поняла раньше, чем он приблизился настолько, что можно было разглядеть выражение его лица, однако я продолжала свой путь через сад, и встретились мы наконец у низкой, сложенной без цемента каменной ограды.

Он произнес мое имя. Больше ничего.

– Я знаю. Можете не говорить, – сказала я.

– Она умерла ночью. Когда Мария утром зашла будить ее... все было уже кончено. Так тихо, мирно.

Я подумала, что мы не очень-то стараемся найти друг для друга слова утешения. А может быть, в этом и не было нужды. Он подал мне руку, помогая преодолеть ограду, и потом не выпускал ее, пока мы шли по саду к дому.

Похоронили ее по испанскому обычаю в тот же день на маленьком деревенском кладбище. Кроме священника присутствовали только Отто, Мария и я. Когда все кончилось, я положила на могилу веточку цветущего миндаля.

Следующим утром я улетала обратно в Лондон, и Отто отвез меня в аэропорт на своей машине. Почти все время мы ехали молча, но когда приблизились к аэропорту, он внезапно проговорил:

– Ребекка, не знаю, имеет ли это значение, но я хотел жениться на Лайзе. И я женился бы на ней, если бы в Швеции у меня не было жены. Мы с ней живем врозь, и давно, но она не дает мне развода, потому что это не позволяет ей ее вера.

– Вам не стоило мне этого объяснять, Отто.

– Я хотел, чтобы вы знали.

– Она была так счастлива с вами. Вы так о ней заботились.

– Я рад, что вы прилетели. Рад, что вы повидали ее.

– Да. – У меня неожиданно перехватило горло, а глаза налились горькими слезами. – Да, я тоже рада.

На аэровокзале проверили мой билет и багаж, после чего мы остались вдвоем, друг напротив друга.

– Не ждите, – сказала я. – Теперь идите. Я ненавижу прощания.

– Хорошо... но сначала... – Он нащупал что-то в кармане пиджака и вытащил оттуда три серебряных ношенных браслета прекрасной работы. Мама никогда не снимала их. Они были на ней и в последнюю ее ночь. – Вы должны их взять. – Он поднял мою руку и надел браслеты мне на запястье. – И еще это. – Из другого кармана он вынул сложенную пачку британских банкнот и сунул мне в руку, сдавив вокруг нее мои пальцы. – Они были в ее сумочке... так что они ваши.

Я знала, что в сумочке денег не было. В ее сумочке никогда нельзя было найти ничего, если не считать мелочи для телефона-автомата и старых, с закрученными уголками счетов, давно просроченных. Но в лице Отто было нечто такое, что я не смогла отказаться, я взяла деньги и поцеловала его, а он молча повернулся и пошел к выходу.

Я летела в Лондон в состоянии грустной нерешительности. Опустошенная, я не имела сил даже для скорби. Я была совершенно измучена физически и не могла ни заснуть, ни есть завтрак, принесенный стюардессой. Она принесла мне чаю, и я попыталась выпить, но чай показался горьким, и я оставила его остывать.

Как будто открылась давно запертая дверь, но открылась не полностью, а лишь образовав узкую щель, и мне предстояло самой распахнуть эту дверь, хотя за ней были лишь темнота и неопределенность.

Возможно, мне следует отправиться в Корнуолл и разыскать мамину родню, но то немногое, что я узнала о тамошней обстановке, не слишком вдохновляло. Мой дед, наверное, очень

стар, одинок и, видимо, зол. Я сообразила, что не условилась с Отто Педерсеном о том, чтобы он сообщил деду о смерти мамы, так что не исключена ужасная возможность, если я поеду туда, стать первой вестницей печального события. К тому же я не снимала с него толики вины за то, что он позволил дочери так исковеркать свою жизнь. Мне были известны бездумная импульсивность матери, и ее упрямство, но все же дед мог проявить в отношениях с дочерью большую мудрость. Он мог разыскать ее, предложить ей помощь, познакомиться со мной, своей родной внучкой. Ничего подобного он не сделал, и это, несомненно, воздвигнет между нами преграду.

И все-таки я тянулась к своим корням. Необязательно жить с родней, достаточно обрести ее. В Боскарве есть вещи, принадлежащие моей маме, и теперь они принадлежат мне. Она хотела, чтобы они перешли ко мне, и успела это сказать, так что теперь я обязана съездить в Корнуолл и предъявить на них свои права, но ехать лишь ради этого – значит проявлять бездушные и жадность.

Я откинулась на спинку кресла и, задремав, услышала голос матери: «Я его не боялась, я любила его. Мне надо было вернуться».

А еще она назвала имя София, но я так и не узнала, чье это имя.

Наконец я заснула, и мне приснилось, что я там. Но во сне дом в Боскарве не имел ни формы, ни очертаний, и единственной реальностью в нем был шум ветра, пробивающего себе путь вглубь суши, – свежего и холодного морского ветра.

Вскоре после полудня я была в Лондоне, но хмурый день потерял форму и предназначение, и я не могла вспомнить, чем собиралась занять остаток дня. В конце концов я села в такси и отправилась на Уолтон-стрит повидаться со Стивеном Форбсом.

Я нашла его наверху – он разбирал ящик с книгами, полученными из одного старого проданного дома. Он был один и, когда я появилась на лестнице, поднялся и направился ко мне навстречу, решив, что это потенциальный покупатель. Когда же он понял, что это я, он совершенно преобразился.

– Ребекка! Вы вернулись!

Я стояла, не вынимая рук из карманов пальто.

– Да. Прилетела около двух часов дня.

Он смотрел на меня с вопросительным выражением.

– Моя мать умерла вчера рано утром, – сказала я. – Я как раз успела. Мы провели с ней весь вечер и все говорили, говорили...

– Ясно, – сказал Стивен. – Я рад, что вы повидали ее. – Он очистил от книг край стола и облокотился на него, скрестив руки и глядя на меня через очки. – Ну и что вы собираетесь делать теперь?

– Не знаю.

– Вы выглядите крайне усталой. Почему бы вам не взять несколько дней отпуска?

Я опять сказала:

– Не знаю.

Он нахмурился:

– Не знаете чего?

– Не знаю, что делать.

– Ну а что вас смущает?

– Стивен, вам приходилось слышать о художнике по имени Гренвил Бейлис?

– Господи, конечно! А почему вы спрашиваете?

– Это мой дед.

На лице Стивена появилось испытующее выражение.

– Боже мой! Когда же вы это обнаружили?

– Мне сказала мама. Должна признаться, я и имени-то этого не знала.

– А должны были бы.

– Он очень известен?

– Был. Лет двадцать назад, когда я был мальчишкой. В нашем старом доме в Оксфорде у отца над камином в гостиной висел Гренвил Бейлис. Так что, можно сказать, он был частью моего детства и моего воспитания. Картина изображала серое бурное море и рыбацкую шхуну под коричневым парусом. При одном взгляде на нее, помнится, меня начинало подташнивать, как во время качки. Он был маринистом.

– Ну да, как бывший моряк. Он ведь служил в военно-морских силах.

– Тогда понятно.

Я ждала, что еще он скажет, но он молчал. Тогда я спросила:

– Что мне делать, Стивен?

– В каком смысле, Ребекка?

– У меня никогда в жизни не было семьи.

– Это так важно?

– Вдруг стало важным.

– Тогда поезжайте и познакомьтесь с ним. Что может вам помешать?

– Я боюсь.

– Чего?

– Не знаю. Наверное, оскорблений. Или равнодушия.

– Там происходили жуткие семейные баталии?

– Да. И разрыв. «Чтоб ноги твоей здесь больше не было» – и прочее в том же духе.

– Это мама предложила вам туда съездить?

– Нет. Не так определенно. Но она сказала, что там остались вещи, ей принадлежавшие. Она посчитала, что мне надо их забрать.

– Что за вещи?

Я сказала:

– Понятно, что особых ценностей там нет. Возможно, все это и не стоит путешествия, но мне хотелось бы получить что-нибудь из ее бывших вещей. А потом... – Я попыталась перевести это в шутку: – Они помогут мне хоть как-то заполнить пустоты моего нового жилища.

– Думаю, вещи не могут стать основной целью вашей поездки в Корнуолл. Главное для вас – подружиться с Гренвилем Бейлисом.

– Ну а что, если он не захочет подружиться со мной?

– Тоже ничего страшного. Всего лишь легкий удар по самолюбию, но это можно перенести.

– Вы толкаете меня на это знакомство, – сказала я.

– Если вам не нужен мой совет, то зачем вы пришли ко мне?

Он был прав.

– Не знаю, – призналась я.

Он рассмеялся:

– Вы слишком много чего не знаете, правда? – А когда наконец я тоже выдавила из себя улыбку, он сказал: – Послушайте, сегодня четверг. Отправляйтесь домой, выспитесь. И если сочтете, что завтра еще слишком рано, то поезжайте в Корнуолл в субботу-воскресенье. Поезжайте, и все. Посмотрите тамошние места, познакомьтесь с старика. На это может потребоваться несколько дней, не важно! И не торопитесь в Лондон, пока не сделаете там все, что в ваших силах. Ну а если сможете заполучить к тому же кое-какие вещички, тоже будет неплохо, только запомните, что это задача не первоочередная.

– Запомнила.

Он поднялся.

– Ну, тогда в путь! – сказал он. – У меня дел по горло, не могу больше тратить время, ведя доморощенную рубрику «А скажи-ка, тетушка...» и учить вас уму-разуму.

– А проделав все это, я смогу вернуться на работу?

– Да уж, пожалуйста. Без вас мне не справиться.

– Тогда до свидания, – сказала я.

– Au revoir⁵, – сказал Стивен и, секунду помедлив, подался вперед и неловко поцеловал меня. – Удачи вам!

Я уже и так потратила на такси слишком много денег, поэтому, волоча чемодан, добралась до автобусной остановки, дождалась автобуса и потрухала к себе в Фулем. Рассеянно глядя из окошка автобуса на серые, кишасшие народом улицы, я попыталась составить план на будущее. По совету Стивена, в понедельник я поеду в Корнуолл. В это время года, наверное, нетрудно взять билет на поезд или найти пристанище в Порткеррисе, когда я наконец туда доберусь. А Мэгги приглядит за моей квартирой.

Мысль о квартире привела на память кресла, которые я присмотрела до отлета на Ибицу. С того дня, казалось, прошла целая вечность. Однако, если я не появлюсь в лавке, кресла будут проданы, как грозился тот несносный молодой человек. Вспомнив об этом, я сошла на несколько остановок раньше своей, с тем чтобы наведаться в лавку, заплатить за кресла и получить гарантию, что они будут ждать моего возвращения.

Я собралась с духом для новой серии переговоров с молодым человеком в синей матерчатой куртке, но, войдя в лавку под аккомпанемент колокольчика над дверью, я не без облегчения увидела, что из-за стола в глубине лавки поднялся не он, а другой мужчина, постарше, седоватый и с темной бородкой.

Он выступил вперед, на ходу снимая очки в роговой оправе, а я с наслаждением опустила на пол свой чемодан.

– Добрый день.

– О, добрый день. Я по поводу кресел, которые выбрала в прошлый понедельник. Вишневого дерева, с овальными спинками.

– Да-да, знаю.

– Одно из них требовало ремонта.

– Его починили. Хотите забрать их сейчас?

– Нет. Сейчас я с чемоданом. Мне не утащить их. И я уезжаю на несколько дней. Я подумала, что если оплачу сейчас покупку, то, может быть, вы подержите их до моего возвращения.

– Конечно. – У него был очень приятный низкий голос, и когда он улыбнулся, мрачное лицо его осветилось.

Я засуетилась, открывая сумочку:

– Могу я расплатиться чеком? У меня есть банковская карточка.

– Хорошо, хорошо. Хотите сесть за мой стол? Вот ручка.

Я начала заполнять чек:

– На чье имя писать?

– На мое. Тристрам Нолан.

Я порадовалась, что этим милым заведением владеет он, а не мой невоспитанный знакомец-ковбой. Заполнив чек и прочеркнув на нем, как положено, оставшееся пустым место, я вручила чек хозяину. Он стоял и, опустив голову, рассматривал чек так долго, что я даже решила, будто что-то упустила при заполнении.

– Я не забыла поставить дату?

– Нет, все в полном порядке. – Он поднял глаза. – Просто у вас такая фамилия... Бейлис... Не очень распространенная.

---

⁵ До свидания (фр.).

– Да, не очень распространенная.

– Вы не родственница Гренвила Бейлиса?

Услышать внезапно эту фамилию именно в тот момент было удивительно, и вместе с тем ничего удивительного в этом не было – разве не так же внезапно бросается в глаза нужная информация, выпрыгивая на нас неожиданно-негаданно с газетного листка, из убористой колонки типографского шрифта?

– Да. Родственница, – сказала я и, не придумав причины дольше скрывать от него правду, добавила: – Он мой дед.

– Потрясающе, – сказал он.

Я была озадачена.

– Почему же?

– Сейчас покажу.

Положив на стол мой чек, он вытянул из-за громоздкого дивана с откидным столиком большую, написанную маслом картину в золоченой раме. Он приподнял ее, уперев одним углом о стол, и я увидела, что это картина моего деда: в углу стояла его подпись, а под ней дата: 1932.

– Я только что купил ее. Конечно, ее надо почистить, но, по-моему, картина превосходная.

Я подошла поближе, чтобы внимательнее рассмотреть картину, и увидела песчаные дюны на закате и двух мальчиков – обнаженные, они склонились над собранными раковинами. Живопись картины была, возможно, и старомодной, но композиция замечательная, колорит – нежный и в то же время мощный – подходил для изображения этих мальчиков, беззащитных в своей наготе, но крепких, – с такими в жизни обычно считаются...

– Хороший художник, правда? – сказала я, и в голосе моем невольно прозвучала нотка гордости.

– Правда. Чудный колорист. – Он убрал картину. – Вы его хорошо знаете?

– Я вообще его не знаю. Ни разу не видела.

Он промолчал. Просто ждал, пока я закончу эту странную фразу. Чтобы заполнить паузу, я продолжила:

– Но сейчас я решила, что пора, наверное, нам повидаться. И вот как раз в понедельник еду в Корнуолл.

– Но это же прекрасно! Дороги в это время года будут пустые, и поездка доставит вам удовольствие.

– Я поеду поездом. У меня нет машины.

– Все равно вам предстоит замечательная поездка. Надеюсь, погода вам улыбнется.

– Большое спасибо.

Мы направились к двери. Он распахнул ее. Я подхватила свой чемодан.

– Приглядите за моими креслами, пока меня не будет?

– Конечно. До свидания. И пусть у вас все хорошо сложится в Корнуолле.

3

Но погода мне не улыбнулась. Утро понедельника выдалось серое, унылее некуда, а мои слабые надежды, что погода улучшится по мере того, как поезд будет дальше и дальше мчаться в западном направлении, вскоре рассеялись, так как небо с каждой минутой становилось темнее, ветер крепчал и хмурый день в конце концов разразился проливным дождем. За струями дождя в окнах поезда ничего не было видно, кроме неясных очертаний холмов, фермерских построек и лишь изредка нагромождения крыш какой-нибудь деревеньки или же проносившейся мимо полупустой станции заштатного, никому неведомого городка.

Доедем до Плимута, успокаивала я себя, и все изменится. За мостом в Салташе мы очутимся в другом графстве, в другом климате, где будут чистенькие розовые домики, пальмы и жидкое зимнее солнце. Но, разумеется, единственной переменной стало лишь то, что дождь припустил еще резвее, и, глядя на затопленные поля и на деревья, клонящиеся под порывами ветра, я почувствовала, что надежды окончательно покинули меня, и пала духом.

Когда поезд добрался до конечного пункта, было уже почти четверть пятого, и хмурый день стал темнеть, переходя в сумерки. Поезд замедлил ход, и на перроне я увидела совершенно неуместную здесь пальму – на фоне дождевых струй она торчала, как сломанный зонтик, а капли дождя, мерцающая и приплясывая, устремлялись вниз перед освещенной табличкой указателя: «Сент-Эбботс, на Порткеррис сюда». Поезд наконец встал. Я взвалила на плечи рюкзак и открыла тяжелую дверь, которую мгновенно вырвал из моих рук ветер. От холодного шквала, принесшегося на сушу со стороны темного невидимого моря, занялось дыхание, и я, невольно заспешив, подхватила сумку и прыгнула на платформу. Вместе с толпой пассажиров я двинулась к деревянной эстакаде и по ней – к зданию вокзала. Большинство пассажиров встречали друзья, другие с озабоченным видом устремились в кассовый зал, словно уверенные, что там дальше их ждут машины. Я последовала за ними, чувствуя свою странную обособленность, но надеясь, что толпа выведет меня к такси. Но возле вокзала никакого такси не было. Я постояла, ожидая, что кто-нибудь предложит подвезти меня, но не решалась сама попросить об этом. Я стояла так, пока хвостовые огни последней машины с неотвратимостью не исчезли за холмом, уносясь в направлении шоссе, и мне ничего не оставалось делать, как вернуться в кассовый зал за помощью и советом.

Там, в остро пахнувшем отделе посылок, какой-то носильщик устанавливал одну на другую клетки с курами.

– Простите, мне надо в Порткеррис. Такси туда ходит?

Носильщик медленно и безнадежно покачал головой и вдруг слегка просветлел лицом:

– Есть автобус. Ходит каждый час. – Он взглянул на медленно тикающие часы, расположенные высоко на стене. – Но на автобус вы уже опоздали. Придется подождать.

– Разве нельзя заказать такси по телефону?

– В это время года заказов не принимают.

Я дала соскользнуть на пол своему тяжеленному рюкзаку, и мы с носильщиком устали друг на друга, оба придавленные огромностью неразрешимой проблемы. Промокшие мои ноги постепенно леденели. И пока мы стояли так, в шуме ветра слышался звук мчавшейся с холма от шоссе машины.

Я сказала, слегка повысив голос, чтобы показаться настойчивее:

– Но мне необходимо такси. Откуда я могу позвонить?

– Прямо у входа есть будка.

Я отправилась на поиски телефонной будки, волоча за собой рюкзак, и в это время услышала, как возле здания остановилась машина, хлопнула дверца, раздались торопливые шаги, и в следующую же секунду в зал вошел человек; от порыва ледяного ветра распахнутая дверь

тут же захлопнулась за ним. Он по-собачьи стряхнул с себя капли дождя, затем пересек зал и исчез в открытой двери отдела посылок. Я слышала, как он сказал:

– Привет, Эрни. Наверное, для меня есть посылка из Лондона.

– Здравсте, мистер Гарднер. Паршивый вечерок!

– Хуже некуда. Дорогу развезло. Вот и посылка, кажется... вон там. Да, она самая. Мне надо расписаться за нее?

– Да-да, вам надобно расписаться. Вот здесь...

Я представила себе клочок бумаги на столе, огрызок карандаша, вытащенный Эрни из-за уха. Но я никак не могла вспомнить, где слышала этот голос и почему он мне так знаком.

– Вот и чудно! Большое спасибо.

– Пожалуйста.

Телефон, такси – обо всем этом я на время забыла. Я наблюдала за дверью, ожидая, когда незнакомец появится вновь. Он появился с большой коробкой в руках, обклеенной красными этикетками с надписью: «Стекло», и я увидела его длинные ноги, голубые джинсы, в грязи до колен, и черную непромокаемую ветровку, всю в дождевых каплях, сбегавших по ней струйками воды. Он был без головного убора, и черные волосы его прилипли к голове. Бросив взгляд на меня, он замер, прижимая к груди посылку, словно бесценный дар. В темных глазах мелькнула легкая озадаченность, сменившаяся узнаванием. Он заулыбался и воскликнул:

– Господи боже!

Это был тот молодой человек, который показывал мне два кресла вишневого дерева.

Я стояла с открытым ртом, смутно чувствуя, что со мной сыграли шутку, злую и несправедливую.

В момент, когда больше всего на свете мне нужна была помощь друга, судьба решила послать мне того, кто был мне менее всего приятен, кого мне меньше всего хотелось бы видеть. А то, что именно он увидел меня такой – промокшей, отчаявшейся, – являлось последней каплей, переполнившей чашу.

Улыбка его стала шире.

– Фантастическое совпадение! Что вы здесь делаете?

– Только что сошла с поезда.

– А куда направляетесь?

Пришлось сказать ему:

– В Порткеррис.

– Вас встречают?

Я чуть было не соврала, не сказала, что да, встречают. Надо же как-то от него отделаться! Но лгунья я никудышная, и он все равно бы догадался. И я сказала:

– Нет. – А затем, чтобы выглядеть уверенной и предприимчивой, добавила: – Я собираюсь вызвать по телефону такси.

– Долго же вам придется дозваниваться. Я еду в Порткеррис и подброшу вас.

– О, не беспокойтесь...

– Какое беспокойство? Все равно же я туда еду. Это весь ваш багаж?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.